

Такимъ образомъ, въ теченіе отчетнаго года (съ марта 1884 года по мартъ 1885 г.) приняли св. крещеніе 35 душъ, 16 мужскаго и 19 женскаго пола.

Большинство принимали крещеніе семьями. Такиъ:

- 1) Мужъ, жена, дочь, братъ (№№ 4 7 Ул.-Эрг.).
- 2) Мужъ и жена (№ 1 и 2 Нойнъ-Шир.)
- 3) Мужъ и жена (№ 3 и 4)
- 4) Мужъ и жена (№ 5 и 6).
- 5) Мужъ, жена, братъ жены (№ 22, 23 и 24)

Затѣмъ жены уже крещеныхъ калмыковъ. Таковыхъ 7 душъ (№ 10 15 и 25 Нойнъ-Шир.).

— ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ —

О КАЛМЫКАХЪ.

(Продолженіе *).

II. Устройство быта и зажитія калмыковъ.

Калмыки народъ монгольскаго происхожденія, исповѣдуетъ ламайскую религію. Въ ихъ физіономіи рѣзко сказывается монгольскій типъ. Отличительныя черты устройства головы ихъ: смуглое, широкое и плоское лицо съ выдающимися скулами, широкій приплюснутый носъ, небольшіе, узкіе, наискось лежащіе глаза, наконецъ черныя какъ смоль и жесткіе волосы. Калмыки, кочующіе ближе къ Волгѣ, коренасты, приземисты; по степники отличаются высокимъ ростомъ и стройнымъ тѣлосложеніемъ.

Устройство калмыцкаго быта основано на родовомъ началѣ. Исходнымъ пунктомъ этого устройства служитъ *хотонъ*, т. е. собраніе ближайшихъ родственныхъ семействъ, живущихъ на одномъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ кибиткахъ, какъ напримѣръ: дѣды, сыновья, внуки, племянники и т. п. Правителемъ хотона считается старшій въ родѣ. Если таковыхъ много, то избирается *хотонный старшина*. Нѣсколько *хотонновъ*, находящихся между собою въ болѣе отдаленномъ родствѣ, составляютъ *аймакъ*. Тотъ изъ хотонныхъ старшинъ, который происходитъ по прямой линіи отъ главы перваго хотона, называется *зайсангомъ* и управляетъ цѣлымъ аймакомъ. Собраніе нѣсколькихъ аймаковъ называется *родомъ (анги)*. *Улусомъ* называется часть народа, заключающаго въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного корня. Владѣтель улуса называется *нойономъ*.

*) См. № 5 „Астр. Епарх. Вѣд.“ 1885 г.

Вліяніе этого устройства отразилось и на характерѣ народа. Калмыкъ свято чтитъ не только своего *нойона*, т. е. владѣтеля улуса, къ которому онъ принадлежитъ, но и *нойоновъ* другихъ улусовъ. Онъ входитъ въ кибитку владѣльца точно такъ же, какъ въ кумирню, т. е. не иначе, какъ съ правой стороны и при входѣ, касаясь головою двернаго косяка, дѣлаетъ поклоны владѣльцу. Выходя же изъ кибитки *нойона*, пятится задомъ до двери, дѣлая легкія поклоны, и такимъ образомъ переступаетъ порогъ; только затворивши двери владѣльческой кибитки, онъ обращается къ ней спиною. При всякомъ торжественномъ случаѣ и при семейныхъ празднествахъ онъ подноситъ нойону дары: несоблюденіе этого обычая для него немислимо. Но въ своей семьѣ калмыкъ является полнымъ ея главою и держитъ всѣхъ домохозяевъ своихъ въ строгомъ повиновеніи и почтительности. Отъ этого происходитъ безусловная покорность дѣтей родителямъ и почтительное обхожденіе младшихъ со старшими. Въ старину виноватаго въ неповиновеніи отцу или матери, въ трубости и дерзости къ родственникамъ и старшимъ по званію и лѣтамъ наказывали нагайками и, выпачкавъ лице сажею, водили съ таганомъ на шеѣ по хотону вокругъ каждой кибитки. Положеніе женщины у калмыковъ лучше, нежели у племенъ, исповѣдующихъ магометанскую вѣру. Женщина не закрываетъ лица отъ постороннихъ, свободно можетъ разговаривать, танцовать и играть съ мужчинами въ разныя игры. Она полная хозяйка въ домѣ; но все, что выходитъ за черту домашняго хозяйства, долженъ готовить мужчина. Она не сѣдуетъ коня, и никто, даже самъ владѣлецъ, не имѣетъ права перодать даже простой женщинѣ своего коня съ тѣмъ, чтобы она подержала его за поводъ. Мужчина, хотя бы и самъ владѣлецъ, замѣтивъ, что встрѣтившаяся ему женщина хочетъ сойти съ своего коня, долженъ спѣшиться и помочь ей соскочить съ коня. Отъ подбивающа женщины нельзя отказаться: если женщина подноситъ гостю чашку теплой *арьги* (вина, сѣдланнаго изъ молока), только что выгнавша ея трудами, то отказъ считается жестокою обидою. Въжливость требуетъ принять и если бы даже не было аннетица пить, то немножко хлебнуть (что на языкѣ кочевниковъ выражается словомъ *амсатумъ*) и потомъ отдать хозяйкѣ.

Калмыки ведутъ полудикій образъ жизни, кочуя съ большими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами лошадей по степямъ Астрахапкой и Ставропольской губерній, а также въ земляхъ войска Донскаго. Это необходимо потому, что при обширномъ скотоводствѣ жить на одномъ мѣстѣ невозможно,

такъ какъ животныя скоро поѣдаютъ подножный кормъ. Велѣдствіе этого калмыкъ на одномъ мѣстѣ „сидитъ“ по болѣе двухъ или трехъ недѣль, смотря по количеству травы. Прискавши мѣсто съ хорошими пастбищами, калмыки переходятъ на то мѣсто цѣлымъ хотономъ, перегоняя и весь свои стада на новое мѣсто. Каждая перекочевка составляетъ праздникъ для калмыковъ. Припущенные часто переходить съ одного мѣста на другое, калмыки живутъ въ разборныхъ шатрахъ, называемыхъ *кибитками*. Эти шатры круглые, конусообразныя, покрытыя сѣрыми, а иногда и бѣлыми конями. Дворы кибитки всегда обращены на югъ. При ненастной погодѣ въ степяхъ, когда бываетъ трудно опредѣлить страны свѣта, стоитъ взглянуть на калмыцкую кибитку, и она, подобно компасу, разрѣшитъ ваше недоумѣніе. Величина кибитки бываетъ различна. Это зависитъ отъ количества и величины *теремовъ*, т. е. раздвижныхъ деревянныхъ (изъ длинныхъ палочекъ) рѣшетокъ, замѣняющихъ стѣны. Онѣ связываются узкими широкими чельмами. *Шести-теремная* кибитка бѣднѣе имѣетъ въ діаметрѣ 2 или 2^{1/2} саж.; а *восьми-теремная* — людей богатыхъ — отъ трехъ до четырехъ сажонъ, что зависитъ отъ числа головокъ (оконечностей скрещенныхъ палочекъ у теремовъ) рѣшетокъ. Смотря по величинѣ кибитки и высота теремовъ бываетъ различна. У бѣднаго человѣка разставленная рѣшетка имѣетъ до 5 футовъ вышины, а у богатого — отъ 6 и до 7 футовъ. Чѣмъ больше кибитка, тѣмъ длиннѣе и *ушны*, т. е. палки, поддерживающія крышу кибитки. Одинъ конецъ *ушны* вляется въ *хараачину* (это деревянный кругъ вверху кибитки, въ которомъ выдолблены гнѣзда для палокъ), а другой привязывается къ головкѣ терема, помѣщаясь въ срединѣ скрещенныхъ оконечностей. Число *ушны* бываетъ различно, смотря по величинѣ кибитки, отъ 60 и до 120. *Хараачина*, замѣняющая дымовую трубу, имѣетъ отъ четырехъ до шести деревянныхъ дугъ, сверху ея утвержденныхъ, дабы удобнѣе было закрывать это отверстіе кошмою во время ненастья или на ночь. Среди кибитки на таганѣ стоитъ широкій, но не глубокій чугунный котелъ, вмѣщающій два или три ведра воды. Онъ замѣняетъ всю кухонную посуду для кочевника. Въ немъ варятъ и кврпачный чай и мясо какъ падали, такъ и зарѣзанныхъ животныхъ. Калмыки употребляютъ мясо коровъ, лошадей, верблюдовъ, барановъ, козъ, ягнятъ, жеребятъ и верблюжатъ. Последніе три сорта животныхъ составляютъ праздничныя кушанья богатыхъ. Бѣднѣе же часто, особенно зимою, пробавляются однимъ *буданомъ*: это мука, разболтанная въ водѣ довольно жидко;

когда *будань* начинает кипѣть, въ него бросаютъ кусочки бараньяго сала. Въ этомъ же котлѣ хозяйка кибитки выработываетъ *арьку* (калмыцкое вино) изъ кислаго молока. Въместо дровъ кочевники употребляютъ сухой пометъ животныхъ, котораго при огромномъ скотоводствѣ въ степяхъ множество, такъ что для зимы дѣлаютъ большіе запасы его. Собираютъ пометъ дѣло женщинъ или дѣвушекъ, которыя имѣютъ для сего особо сошитыя изъ невыдѣланной кожи сумы.

Калмыцкія женщины работаютъ, кажется, больше мужчинъ. Ихъ дѣло разобрать и собрать кибитку во время перекочевокъ. Онѣ доятъ коровъ, овецъ, кобылицъ и верблюдицъ, что требуетъ немало времени, такъ какъ есть хозяйства, въ которыхъ бываетъ до полусотни дойныхъ кобылицъ, такое же число коровъ и до двухъ сотъ овецъ. Кромѣ того женщины занимаются изготовленіемъ кумыса, арына, потому что калмыки никогда не пьютъ простой, сырой воды; прядутъ шерсть, ткутъ тесьмы и пояса для кибитокъ; валяютъ кошмы; вяжутъ арканы (шерстяныя веревки); чинятъ кибитки, подбираютъ мѣха изъ кожъ животныхъ своихъ, шьютъ одежду на себя, на мужа и дѣтей и т. п.

Калмыки мужественны, отважны. Съ дѣтства обращаясь около лошадей, они страстно любятъ наѣздничество, и отличаются въ этомъ искусствѣ чрезвычайною смѣлостію и ловкостію. Даже калмыцкіе мальчики отличаются удалію въ наѣздничествѣ и часто, сидя на конѣ, выдѣлываютъ такія ловкія штуки, которымъ у насъ позавидовать бы любой волтижеръ!

Чистоплотность не принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ калмыцкаго быта, да и нельзя ожидать ея при грубости понятій парола и при его кочевомъ образѣ жизни. Калмыцкіе мальчики до 10-лѣтняго возраста ходятъ безъ одежды. На нихъ не надѣваютъ и рубашонокъ, отъ чего лѣтомъ тѣло ихъ загараетъ и дѣлается темно-краснымъ. Въ зимнее же время единственною защетою ихъ отъ холода служитъ овчинный тулупъ, надѣтый на голое тѣло. По кибиткѣ они бродятъ босикомъ, рѣдко надѣваютъ вмѣ калмыцкіе валяные чулки. Въ сильныя морозы мальчики лежатъ въ постели, прикрытыя овчинами. По мѣрѣ того какъ мальчикъ подростаетъ, костюмъ его становится полнѣе. Дѣвочки же не ходятъ пагія. Едва начинаетъ дѣвочка ходить, на нее уже надѣваютъ или рубашонку или же синее цанковое, а иногда и ситцевое платье особаго покроя.

Каждый калмыкъ, смотря по достатку, держитъ болѣе или менѣе мно-

гочисленныя стада овецъ, рогатаго скота, косики лошадей и нѣкоторое количество верблюдовъ. Козы держатся частію для доенія, но больше для того, чтобы быть путеvodительницами овецъ при перекочовкахъ. Уходъ за животными требуетъ много труда и составляетъ главное занятіе калмыковъ. Скотоводство въ калмыцкихъ степяхъ сопряжено съ большими хлопотами и лишениями.

Лѣтомъ главную заботу кочевниковъ составляютъ колодцы, по-калмыцки *худуки*, которыми испещрена вся степь калмыцкая. *Худуки* это большая, круглая яма, имѣющая отъ трехъ до пяти сажень въ діаметръ, а глубины до двухъ сажень. Колодцы дѣлаются на склонахъ бугровъ или же на мѣстахъ возвышенныхъ; потому что въ наносной землѣ, на высокомъ мѣстѣ всегда выступаетъ вода *прѣсная*. Если же яму рыть глубже, то грунтъ земли дѣлается чернымъ, съ раковинами, и вода выступаетъ *горькосоленая*. Въ одной мѣстности худуковъ бываетъ по семи, осьми и даже десяти, дабы имѣть воду въ достаточномъ количествѣ. Когда подпочвенную воду всю вычерпаютъ изъ одного колодца, переходятъ къ другимъ и пока опоражниваютъ другіе, въ прежнихъ снова накопится вода, и такимъ образомъ водою продолжается съ утра до вечера. Впрочемъ есть *худуки*, имѣющіе родники. Присутствіе ихъ на глинистой водѣ обозначается какъ бы черными пятнами различной величины. Эти *худуки* калмыки тщательно охраняютъ и въблизи ихъ всегда кочуютъ нѣсколько *хотонновъ*. Чистка колодцевъ составляетъ самую тяжелую работу для скотоводовъ. Въ степяхъ бываютъ постоянныя вѣтра, которые заносятъ колодцы пескомъ; а потому кочевникамъ и приходится въ недѣлю раза два чистить ихъ. Эта операція совершается такъ. Въ обрывистомъ краѣ колодца дѣлаютъ два широкихъ уступа, на которые становятся по три или болѣе человѣка съ желѣзными лопатками. Человѣкъ нить сходятъ на дно *худуки* и роютъ грязь желѣзными лопатками, бросая оную на ближайшій уступъ; стоящіе на первомъ уступѣ лопатами бросаютъ грязь на слѣдующій уступъ и уже съ этого послѣдняго *худучная* грязь выбрасывается на поверхность земли, гдѣ нѣсколько человѣкъ откидываютъ ее далѣе отъ ямы. И эта работа производится большею частію днемъ, подъ палящими лучами солнца. Когда *хотонъ* откочуетъ, оставитъ извѣстное урочище, то ямы колодцевъ такъ заноситъ пескомъ, что остается только небольшія углубленія, свидѣтельствующія, что здѣсь были *худуки*. И вновь прикочевавшему на отросшій подножный кормъ хотону приходится почти снова рыть колодцы. Единственное отрадное время для скотовода бываетъ послѣ

сильныхъ дождей. Поверхность калмыцкихъ степей являетъ большія неровности: то бугры, то впадины. Часто въ эти впадины стекаетъ дождевая вода въ такомъ изобиліи, что образуетъ огромныя лужи (*цандымы*), похожія на широкія продолговатыя озера. Глубина *цандымовъ* бываетъ отъ трехъ до пяти футовъ. Тогда-то скотоводы недѣли двѣ отдыхаютъ, такъ какъ водою бываетъ привольный. Когда же въ дождевыхъ лужахъ вода изсякнетъ или испортится, тогда кочевники снова принимаются за свою обычную работу по чисткѣ *худуковъ*.

Зимою когда выпадаетъ, небольшой снѣгъ, чистка *худуковъ* прекращается: ни люди, ни животныя въ колодезной водѣ пужды не имѣютъ, ее замѣняетъ снѣгъ. Но за то зимою у скотоводовъ являютъ другія заботы. Случается, что выпадаетъ глубокой снѣгъ, который закрываетъ подвозный кормъ; тогда скотоводамъ бываетъ много хлопотъ доставить пищу стадамъ своимъ. Въ этомъ случаѣ они прибѣгаютъ къ слѣдующему способу. По замерзшему глубокому снѣгу сперва гонятъ табунъ лошадей, которые своими копытами разрываютъ снѣгъ; за ними идетъ стадо рогатаго скота, оно еще болѣе разрыхляетъ снѣгъ; затѣмъ идутъ верблюды, а потомъ уже овцы — по разрытому и разрыхленному мѣсту. И такимъ образомъ всѣ животныя питаются травою. Въ степяхъ отъ праваго берега Волги калмыки сѣна не запасаютъ; только кочующіе въ мѣстахъ приморскихъ или на земляхъ ближе къ горамъ, пменуемымъ *Иргени*, гдѣ кочуетъ улусъ Малодербетевскій и часть Икицохуровскаго, дѣлаютъ небольшіе запасы сѣна. Кромѣ того зимою, а иногда и весною, скотоводовъ постигаетъ другое несчастье. Сильныя мятели напосытъ большой вредъ стадамъ скотоводовъ, угоняя животныхъ въ мѣста отдаленныя. Отъ плохихъ зимнихъ кормовъ, животныя худѣютъ и дѣлаются безсильными; а потому при сильной мятели, новинуясь направлепію вѣтра, бѣгутъ по степи до тѣхъ поръ, пока не упадутъ отъ слабости; и, по неимѣнію пищи, издыхаютъ съ голода. Остатокъ бѣгущія стада невозможно: животныя дѣлаются какъ бы бѣшеными. Особенно убійственна бываетъ мятель, когда случается она послѣ дождя и когда потомъ наступаютъ морозы. Тутъ потеря животныхъ увеличивается еще тѣмъ, что много овецъ замерзаетъ. Одинъ такой несчастный случай — и скотоводъ изъ степнаго богача дѣлается бѣднякомъ!

Подобныя случаи между кочевниками явленіе нерѣдкое. Не смотря на то, что обѣдпеншему калмыку выдается денежное пособіе изъ суммъ калмыцкаго общественнаго капитала, съ разсрочкою уплаты на нѣсколько лѣтъ, а иногда и безвозвратно, онъ все-таки не можетъ возстановить того, что прио-

брѣталось годами. Нынѣ обѣднѣвшіе калмыки составляютъ улусъ, кочующій далеко отъ устьевъ Волги и береговъ Каспійскаго моря. Этотъ улусъ называется *Мочижельмъ*. Онъ составляетъ собраніе бѣдниковъ скотоводовъ изъ всѣхъ улусовъ, находящихся въ Астраханской губерніи. Одни изъ нихъ занимаютъ въ работники на вытѣги къ рыбопромышленникамъ; другіе уходятъ въ ставицы и селенія, гдѣ занимаютъ въ работники къ казакамъ или крестьянамъ; а иные занимаютъ косить сѣно или жать хлѣбъ. Надобно замѣтить, что калмыки, при своей полудикости, перемчивы, уживчивы, добродушны, терпѣливы и къ дѣлу своему внимательны. Поэтому-то ихъ считаютъ лучшими работниками. Хозяева рыбопромышленныхъ заведеній, нанимая комплекты рабочихъ къ перевозамъ, всегда отдають предпочтеніе калмыкамъ передъ русскими за усердіе къ дѣлу первыхъ и лѣность послѣднихъ. Они калмыковъ называютъ „водяною лошадыю“! Если бы степняковъ вывести изъ состоянія полудикости, приучить къ жизни гражданской, тогда изъ нихъ вышли бы люди, вполне полезные для общества и государству!

Калмыки привязаны къ стариннымъ своимъ обычаямъ, слѣпо повинуются своему духовенству, которое, изъ личныхъ своихъ выгодъ стараясь держать калмыковъ въ невѣжествѣ, запрещаетъ простолюдинамъ учиться грамотѣ калмыцкой. А это служитъ причиною того, что нынѣшніе калмыки ни въ образѣ жизни, ни во взглядахъ на предметы, ихъ окружающіе, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ предковъ, прикочевавшихъ въ Россію съ Тайшою *Хо-Урлюкомъ* въ 1630 году!

(Окончаніе будетъ).

Данныя отчета Астраханскаго Попечительства о бѣдномъ учащемся юношествѣ за 1884 г.

Обращаясь къ денежному отчету Попечительства за 1884 годъ, мы находимъ тамъ слѣдующія цифры:

Приходъ:

Къ 1 января 1884 г. оставалось ‰ бумажъ 14.400

Въ теченіе года поступило:

Отъ 7 почетн. член. 1100 р. к.

„ 1 дѣйств. член. 50 р.

„ 121 дѣйств. член. пятн-рубл. взносы. 605 р. к.